

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО: О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДАХ ОТ ЛАТЫНИ К РОМАНСКИМ ЯЗЫКАМ (1)

И.И. Чельшева

Отдел индоевропейских языков
Институт языкознания РАН
Б. Кисловский пер., 2/12, Москва, Россия, 103009

Статья посвящена анализу некоторых семантических переходов от латыни к романским языкам и собственно в романских языках в лексемах, обозначающих родственные связи и возраст человека в итало-романском ареале. Подробно рассматривается формирование значений у слов, обозначающих ребенка, в итальянском и в диалектах Италии с учетом некоторых романских параллелей.

Ключевые слова: семантический переход, латынь, романские языки, итало-романский ареал.

В разных культурах, в разные эпохи человек именуется, характеризуется и оценивается с помощью языковых средств, образующих системы различной степени устойчивости. Эти системы могут отражать определенные общественные отношения — термины родства, термины социальной иерархии, этнонимы, а также некоторые биологические характеристики — описание человека по полу, по возрасту и т.д. Они находятся в фокусе самых разных лингвистических дисциплин — этнолингвистики, сравнительно-исторического языкознания, исторической семантики, лексической типологии и др. При этом языковые элементы, входящие в эти системы, переплетаются, переходят из одной в другую, приобретают дополнительные значения и коннотации. Мы ограничимся только итало-романским ареалом, прибегая к общероманским параллелям лишь там, где они явно напрашиваются. Ограниченный объем статьи не дает возможности представить теоретические обоснования, на которые опираются современные работы по исторической семантике, поэтому ограничимся лишь ссылками на источники, какими для нас явились лингвистические атласы и словари.

Работ, в которых анализируются термины родства, достаточно много, но даже здесь встречаются некоторые наименования, которые могут поставить лингвиста в тупик. В части сардинского ареала (кампиданский) бытуют довольно неожиданные с точки зрения этимологии наименования супругов: *pubiddu* ‘муж’ и *pubidda*

‘жена’, которые легко возводятся к латинским *puillus* и *puilla*. Это формы сохранились во французском (*puille*), итальянском (*puillo*), испанском (*puilo*) с более или менее одинаковым значением — «воспитанник», «сирота под опекой», что вполне логично продолжает значение латинских этимонов — «мальчик-сирота» и «девочка-сиротка». Второе значение формы женского рода — «зрачок», как известно, порождено тем, что в зрачке глаза человек отражается в виде маленькой, «детской», фигурки.

Но откуда взялось значение «супруги» в сардинском у слова, обозначавшего детей под опекой? Скорее всего, дело в том, что для возрастных обозначений границы возраста (мальчик — юноша — молодой человек) всегда оказываются довольно расплывчатыми. Слово, обозначавшее мальчика или девочку, легко получило значение «молодой человек» и «девушка», «молодые люди». Видимо, слово сначала соотносилось с новобрачными; ср. в русском языке «молодые» о только что поженившихся. Из значения «молодые супруги» и развилось значение просто «супруги».

Там же, на Сардинии, а также в диалектах Южной Италии, обнаруживается непривычно звучащее для итальяниста наименование вдовы и вдовца: *cattivu* и *cattiva* (Калабрия), *battiu*, *battia* (Сардиния), источником которых является *captivus* — латинское причастие от глагола *capere* ‘брать, захватывать’.

Основное значение прилагательного *cattivo* в итальянском литературном языке и его аналогов в диалектах Италии — «плохой, злой», в том числе и в Калабрии, и на Сардинии, где оно парадоксально уживается с наименованием вдовствующего человека. Формирование этого, основного, значения само по себе достаточно интересно. В староитальянском слово обозначало еще и «пленный», что вполне соответствует его этимологии — захваченный на войне и есть пленный. У христианских авторов это причастие часто использовалось в переносном значении, указывая на человека, находящегося в плену у дьявола (*captivus diaboli*) или в плену у греха (*captivus peccati*) [1], а такой человек только плохим и может быть, что и поддержало формирование значения «плохой» у итальянского *cattivo*.

Но в староитальянском у *cattivo* было дополнительное значение «несчастный». Так, анонимный автор XIV в., рассказывая о Троянской войне, пишет о Гекубе, потерявшей сыновей: *Нау, Ессуба, madre gattiva e dolorosa* ‘О, Гекуба, мать несчастная и скорбящая’ [2]. Именно на это значение и должно было опираться наименование для тех, кто потерял супругов, напоминая о том, что доля вдовы или вдовца всегда считается очень горькой.

Остановимся подробнее на том, как обозначается в итало-романском ареале ребенок в широком смысле этого слова, т.е. рассмотрим слова, приложимые и к младенцу, и к мальчику/девочке, и к юноше/девушке.

Сам концепт «ребенок» в любом языке предполагает два ряда значений: во-первых, ребенок — это тот, кто противопоставлен взрослому человеку, и, во-вторых, ребенок — это сын (или дочь) по отношению к родителям. Для довольно значительного ареала Северной Италии (Пьемонт) в значении «мальчик» и «девочка» лингвистический атлас фиксирует только формы *fiel*, *fija*, т.е. «сын» и «дочь» [3].

Таким образом, общая тенденция именовать представителей младшего поколения термином родства (ср. в русском обращения «сын» и «дочь»), или в испанском *hijo mio*, *hija mia*) здесь получила логическое завершение.

Ребенок, несомненно, существо маленькое по сравнению со взрослым. К латинскому корню *PU- с общим значением «маленький» (ср. лат. *puer* ‘мальчик’, *puella* ‘девочка’) восходят итальянские *putto*, *puero* ‘малыш, дитя’ и их аналоги в диалектах Италии: *roiti*, *rupi*, *putin*, *roitel* и др. Еще одна серия слов продолжает другой корень — *PI: итальянск. *picino*, сардинск. *pitzinu*, *piciddu*; умбрск. *citto*, *citta* < *picitto; пьемонтск. *cit/pcit*.

Встречаются на Апеннингах и производные от латинского корня MIN- ‘малый, меньший’ (см. латинск. *minor*, *minus*): *mennune* (Апулия), однако производные от этого корня распространены скорее на Пиренейском полуострове: португальск. *menino*, каталанск. *minub*, *minyona*.

Следующей важной характеристикой оказывается неумение говорить или детская речь, состоящая из неразборчивых звуков. Так было создано латинское *infans*, буквально ‘неговорящий’. Отсюда в романских языках многочисленные ономастические по происхождению обозначения ребенка, распространившиеся и на возраст, когда дети уже умеют говорить (т.е. «мальчик», «девочка» и даже «юноша», «девушка»). К ним относятся неаполитанск. *nipno*, *nennillo*; фриульск. *ninit*; сардинск. *pennu*. В эту же линию вписываются испанск. *niño* и каталанск. *nen*.

Также и два основных итальянских наименования ребенка — *bimbo* и *bambino* — оцениваются как звукоподражательные образования, передающие сочетанием согласных b-m-b неразборчивую детскую речь. Однако заметим, что в итальянском существует прилагательное *bambo* ‘глупый’, и наиболее авторитетный источник по итальянской этимологии — словарь LEI [4], хотя и разводит *bimbo*, *bambino* и *bambo* по разным разделам, указывает, что провести границу между формами и значениями практически невозможно. Таким образом, с одной стороны, в истории слов прочитывается представление о ребенке как о неразумном создании, а, с другой стороны, неумный человек уподобляется ребенку.

Но если описанные выше семантические переходы достаточно предсказуемы, то следующий с современной точки зрения выглядит довольно неожиданным. Релевантной характеристикой для описания ребенка в диахронии оказывается отсутствие волос, которые, видимо, детям срезали или сбривали. На это указывает этимология североитальянск. *toso*, *tuso* ‘мальчик, юноша’ (ж. р. *tosa*), возводимого к *tonsatus*, причастием от глагола *tondere* ‘брить, стричь’.

О том, что подобный семантический сдвиг не окказионален, свидетельствует сицилийское наименование для мальчика и девочки: *carusu*, *carusa*, которое также рассматривается как производное от глагола **carosare* ‘стричь’. Вспомним, что и для иберо-романских форм гипотетически предлагаются этимоны баскского происхождения с тем же значением: испанск. *tozo*, португальск. *toço* от баскского *toz* ‘брить’.

Дети являлись самостоятельным, социально зависимым элементом общества, поэтому неудивительно, что наименование социальных функций или заня-

тий, которыми занимались низшие слои, могли стать источником наименования невзрослого человека. Этимология итальянского *ragazzo* ‘мальчик, парень’ неоднократно становилась предметом дискуссий. Она до сих пор остается гипотетической, но наиболее приемлемым представляется его происхождение от арабского *raqqās* ‘посыльный’ [5]. Такую работу часто выполняли дети или подростки, поэтому, как и для французского *garçon* и английского *boy*, перенос этого наименования на лицо, не достигшее взрослого возраста, вполне естественен. Правда, в этом случае надо, по возможности, внимательно смотреть, как был направлен в диахронии вектор семантического сдвига: от наименования социальной (профессиональной) функции к наименованию ребенка или наоборот. Например, обратное развитие мы имеем в итальянском *fante* ‘слуга’ или испанском *criado* с тем же значением. Уже в латыни *puer* и *puella* имели значение «слуга» и «служанка». Ср. в русском: служить мальчиком на посылках. И это перечисление можно продолжить.

Но ребенок может именоваться и в связи с его отношением к родителям. Поэтому в романских языках так распространены производные от глагола *creare* ‘создавать, творить’, т.е. ребенок — это творение родителей. По всей Южной Италии маленькие дети именуются *creatura*, *criatura*, что перекликается с иберо-романской традицией: португальск. *criança*, испанск. *criatura*, а в диахронии и *criado*. Для Южной Италии это настолько распространенное наименование, что в неаполитанском возникла даже форма мужского рода *criaturo*, противоречащая морфологическому составу слова, поскольку суффикс *-ura* в романских языках женского рода. Эта форма хорошо известна по первой строке популярной неаполитанской песни «*Tammurriata nera*»: «*È nato 'nu criaturo niro niro...*» ‘родился черный, черный мальчик...’.

Фриульский язык в этом случае создал наименование на основе лексикализации метафоры: *frut* ‘ребенок’ из *fructus* ‘плод, фрукт’, образовав по необходимости и форму женского рода *frute* ‘девочка’.

Понятно, что на любом языке любящая мама может назвать ребенка ласковым словом, обозначающим милое, маленькое животное: медвежонок, котик и т.д. Можно ожидать лексикализацию такого рода наименований, что подтверждает англ. *kid* «козленок», довольно поздно обретшее устойчивое значение «ребенок». Но в ломбардском диалекте швейцарского кантона Тичино обнаруживается слово *canai* для обозначения ребенка, явно восходящее к производному от *canè* ‘собака’. Сложным для анализа слово оказывается из-за суффикса, поскольку *-ai* можно возвести к *-alia* (итальянск. *-aglia*), а это суффикс собирательный и обладающий определенным пейоративным оттенком (ср. в русском языке итальянское заимствование «каналья»).

Тичинское слово включено в словари и атласы как вполне нейтральное, следовательно, элемент отрицательной оценки оказался преодолен (ср. в русском языке резко отрицательное «щенок» по отношению к ребенку), но с чем связана такая суффиксация, не вполне понятно. Аналогичное образование обнаруживается на севере Португалии: *canalha* ‘мальчуган’ [6], что подтверждает устойчивость

этого семантического сдвига. Несомненно, исследование слов, восходящих к обозначению животных, может дать интересные результаты.

Мы остановились лишь на нескольких семантических переходах в довольно ограниченной группе слов, но даже этот обзор показывает, насколько «человечной» может быть диахроническая лингвистика, донося до нас представления, идеи и даже чувства отдаленных эпох.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Статья представляет собой фрагмент исследования в рамках проекта «Семантические изоглоссы Европейского культурного ареала», осуществляемого в Институте языкознания РАН под руководством д.ф.н. А.А. Зализняк.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] DHLF — Dictionnaire historique de la langue française. Sous la direction d'A. Rey. Vol. 1. A—E. — Paris, 2000.
- [2] TLIO — Tesoro della lingua italiana delle origini. URL: <http://tlio.ovi.cnr.it>.
- [3] ALI — Atlante linguistico italiano. — Vol. VII. — Torino, 2008. — Carte 615—724.
- [4] LEI — Lessico etimologico italiano. URL: <http://woerterbuchnetz.de/LEI>.
- [5] Pellegrini G.B. Gli arabismi nelle lingue neolatine con speciale riguardo all'Italia. Brescia, 1972.
- [6] Vasconcelos J. Leite de. Etnografia Portuguesa. Tentame de sistematização. Livro III. Vida tradicional portuguesa (o indivíduo, a família, a sociedade. Vol. V. Lisboa, 1967.

MAN, FAMILY, SOCIETY: SEMANTIC SHIFTS FROM LATIN TO ROMANCE LANGUAGES

I.I. Chelysheva

Department of Indo-European languages
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
B. Kislovskii per., 2/12, Moscow, Russia, 103009

The article is devoted to the analysis of some semantic shifts from Latin to Romance languages and in Romance languages per se in lexemes denominating kinship ties and age of a person in the Italo-Romanic area. The article reviews formation of meaning of words denoting a child. in Italian and Italian dialects with due consideration of Romance parallels.

Key words: semantic shifts, Latin, Romance languages, Italo-Romanic area.